

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

На протяжении тридцати четырех лет в городе, в котором родился Гендель, проводится фестиваль, носящий его имя, — единственный в мире ежегодный монографический, собравший в этом году несколько сот участников из двадцати двух стран мира. Шесть опер, восемь ораторий, камерные произведения и сочинения для органа вошли в программу 34-го фестиваля. Он стал началом больших торжеств, которые организованы в Германской Демократической Республике в связи с 300-летием Генделя, 300-летием Баха, 400-летием Шютца.

Еще вчера казалось, что туман надолго скрыл город, размыл его очертания до едва уловимых полутонов. И лишь бой башенных часов на Марктплац напоминал об устремившихся вверх соборных шпилях. Но наступило утро, и силуэт старого Галле готическим шрифтом отпечатался на синем сияющем небе. По замысловатым переплетениям улочек людские потоки устремились к главной площади. Здесь, в самом ее центре, стоит памятник Георгу Фридриху Генделю. В будние дни мимо величественной фигуры, позванивая, пробегает трамвай, спешат прохожие. Однако сегодня день особенный. Люди пришли на площадь, чтобы остановиться. Сегодня день трехсотлетия со дня рождения их великого земляка.

К празднованию юбилея готовился весь город. Гендель присутствует везде: он смотрит на нас с афиш, установленных в витринах, — будь то нотный магазин или цветочный киоск. Изломы узких улиц уводят в глубь старого города. И вот рядом с домом, где в 1685 году родился великий композитор. Сейчас здесь музей. Меня встречают Зигфрид Кайзер, член городского совета, директор домостроительного комбината, Ханс Хайер и Герард Гейне — из тех рабочих, чьи руки заново отделали дом Генделя, принявшего в дни фестиваля первых гостей.

Мы открываем тяжелую дубовую дверь и оказываемся в уютном внутреннем дворе. Отсюда — вход в дом. Он еще пахнет краской, будто совсем недавно был куплен отцом Генделя. В афишах, документах, нотных сборниках отражены этапы жизни и творчества, география артистических поездок знаменитого саксонца. Но главное богатство музея — великолепная коллекция музыкальных инструментов. Клавир и спинеты, портативные органы и виолы, флейты и гитары — изящно инкрустированные, живописно оформленные или чопорно строгие — представляют искусство европейских мастеров четырех столетий.

Мои спутники оказались опытными гидами, влюбленными в музыку Генделя. Они рассказывают о том, что их строительная бригада трудилась над реставрацией музея в тесном контакте с учеными. Всего за тринадцать месяцев дом был обновлен от фундамента до крыши. Отреставрировано и соседнее здание, переоборудованное в камерный концертный зал на сто двадцать мест. За реставрацию дома бригада присуждена премия Генделя 1985 года. На вопросы о фестивале, о том, что близко им в творчестве Генделя, рабочие отвечают с душевной уверенностью людей посвященных.

В Галле — городе немецких рабочих — музыка Генделя стала народной. В этом я убедился на фестивале, программа которого могла, казалось бы, удовлетворить всех желающих побывать на концертах: за шесть дней праздника состоялось свыше тридцати представлений. Для посещения концертов предварительные заявки сделали двести сорок предприятий, но лишь

сорок процентов из них удалось удовлетворить. Свидетельством любви к музыке Генделя стали выступления трех рабочих хоров.

— Фестиваль музыки Генделя — замечательный праздник, без которого невозможно представить культурную жизнь ГДР, — говорит советник по культуре муниципалитета Галле Изольда Шуберт. — Пожалуй, самое значительное, чего удалось достигнуть в проведении

фестиваля, — это объединение вокруг него усилий совета города, общестественности, художественных коллективов, всего горожан. К открытию фестиваля отремонтирован и оснащенный новой техникой знаменитый «Ландестеатр». С огромным энтузиазмом рабочие взялись за реставрацию старых районов Галле. Это говорит о любви горожан к своему великому сыну. Подготовка к фестивалю — большой нравственный урок.

Музыка символизирует непрекращающуюся связь времен, традиций, той памяти, что объединяет жизнь поколений. Написанное сто, двести лет назад, оживает усилиями потомков. Гендель, пожалуй, как никто другой из композиторов, нуждается в подобных усилиях для того, чтобы быть понятым. Поэтому фестиваль в Галле играет столь важную роль в освоении творческого наследия Генделя, в формировании верных представлений об интерпретации его сочинений, история которых была отнюдь не проста, а порой и драматична. Именно фестиваль возродил огромное опорное наследие композитора, практически исключенное до этого из репертуара (в «Ландестеатре» в дни праздника прошла премьера «Партенопе» — двадцать пятая постановка оперы Генделя на этой сцене), вернул к жизни его прекрасные оратории (репертуарными долгое время были лишь некоторые из них). На протяжении этих лет была проделана колоссальная реставраторская работа, гениальные фрески очищены от всего наносного, они заиграли живыми, подлинными красками.

«Эта сверхчеловеческая плодовитость производит впечатление силы природы, поля, в одну весеннюю ночь покрывающегося цветами», — писал о творческом наследии Генделя Ромен Роллан. Да, именно такое ощущение рождается при каждом соприкосновении

с его музыкой. И еще — чувство удивления от встречи с тем, что казалось знакомым, но что непостижимым образом перекраивает твои прежние представления. Программы фестиваля, а в этом году в них вошли и редко звучащие опусы, такие, как «Эстер» — перья оратория английского периода жизни композитора, «Ефта» — последнее крупное сочинение, написанное уже слепнувшим Генделем, изящная римская оратория «Воскресение», а также знаменитые и популярные оратории «Самсон» и «Саул», убеждают в том, что многое еще не раскрыто в творчестве композитора, имя которого овяно почти трехвековой славой. Знаменитый Гендель предстает порой великим незнакомцем.

Оперные спектакли еще раз подтвердили несостоятельность утверждения, будто оперное наследие Генделя несценично и даже прекрасная музыка не

спасет его от скуки. Насколько современно генделевские оперы, доказала блистательная постановка «Флориданта» режиссером Петером Конвичиним и дирижером Кристианом Клоттигом в театре Гете из Лаухштедта, показанная во время фестиваля. В спектакле практически нет декораций, никакой бутафории. В результате действия не имеет «места действия», а история любви героев, отстаивания ими права на самостоятельность и права любить становится обобщенной притчей о смысле жизни, о том, что ею движет. Герои одеты в костюмы, которые становятся символом их взглядов на жизнь, их позиций. Лирические персонажи появляются в романтических костюмах (хотя, все лирические партии, в том числе мужские, исполнены женскими голосами), король же, олицетворяющий скептицизм и зло, — в облике «супермена», в кожаном пальто, темных очках. Любая сценическая деталь продуманна, изящна, остроумна и воспринимается как многозначный символ. Например, в момент появления лирических персонажей зажигаются юпитеры, да и сами герои словно излучают свет, и король, для которого любовь — лишь романтический вымысел, немедленно протирает очки и «загораживается» ими от реальности. Или заключительный ансамбль, когда все герои поют со своими кукольными двойниками, подчеркивая этим и условность театра, и сказочный вымысел сюжета. Поистине это живые традиции брахтовского театра в опере!

Совершенно неожиданным и современным оказалось и воплощение оперы «Тамерлан» театром «Норс опера» из Великобритании, поразившее своей исполнительской концепцией. С одной стороны, постановщики (режиссер Филипп Проуз, дирижер Клайв Тимз) стремились представить музыку Генделя так, как она звучала при его жизни: артисты пе-

ли на староанглийском языке, все повторения в ариях исполняли с принятой в те времена орнаментикой (правда, орнаментика — это то, что не зафиксировано в нотках). Но весь внешний ряд спектакля решен предельно современно, с подтекстами и даже намеками на политическую ситуацию Англии.

Состав исполнителей оратории «Мессия» (симфонический оркестр и хор радио Берлина, блестящий состав солистов) напомнил о других юбилейных генделевских торжествах, собиравших до нескольких тысяч музыкантов. Но то, что мы услышали, заставило забыть привычные представления о «Мессии». Огромный хор то пел почти шепотом, то вздымался в ликующем вихре. Звучание было настолько ярким и живописным, что музыка воспринималась глазами.

Оратория «Израиль в Египте», напротив, была исполнена камерным составом (хор Монтеверди и «Солисты барокко» из Великобритании). А ведь это оратория, сплошь состоящая из мощных хоровых массивов! Однако небольшой состав дал возможность дирижеру Джону Элиоту Гардинеру выстроить драматургию сочинения на поразительных по тонкости контрастах звука. Для каждого смыслового пласта найдена своя оркестровая, хоровая краска. Именно звук, его тембр стали основой интерпретаторской концепции. С первых же тактов он поразил своей необычной окраской: кажется, что в звуке вибрируют все составляющие его обертоны! Музыканты отказались от привычного исполнения «Израиля» как живописующей оратории и не пытались изображать казни или расступящееся море. Все предельно сосредоточено на внутренней драме огромной силы.

Произведения Генделя, его современников и предшественников звучали в исполнении камерных оркестров и солистов из Болгарии, Чехословакии, Польши, Румынии, Швейцарии, Франции. Выступление советского коллектива — Литовского камерного оркестра под управлением Саулоса Сондоцкиса прошло с успехом в зале Университета Мартина Лютера. То, что многие концерты состоялись именно здесь, не случайно: в Галле старший университет, где в свое время начинал изучать право Гендель, где жили еще старые университетские обычаи, атмосфера поклонения искусству и где паломничество студентов на музыкальные собрания — явление обычное.

Трагическое, лучезарное, как искусство греков, творчество Генделя влечет к себе миллионы почитателей. Что делает его современным? Об этом мы говорили с профессором Эрнстом Германом Майером, членом ЦК СЕПГ, президентом Общества Георга Фридриха Генделя, председателем Союза композиторов ГДР.

— Сегодня искусство Генделя привлекает своим жизнелюбием, несмотря на то, что многие его сочинения — трагедии. Но тем более впечатляющ их оптимизм. Любовь и ненависть, жизнь и смерть — самые высокие чувства воссозданы Генделем просто, широко, красиво. Слово жизнь в ее самых значительных проявлениях отразилось в его музыке.

...Казалось, еще вчера я стояла на площади Галле и слушала музыку, доносящуюся с башни Маркткирхи — собора, где в течение года служил органистом Гендель. Маленький ансамбль каждый вечер поднимается наверх и, словно совершая ритуал, играет. Воздух, чуток вибрируя, разносит по округе мягкие звуки. Прохожие останавливаются, поднимают головы, прислушиваются. Звучит музыка Георга Фридриха Генделя.

В. КОЛОСОВА,
спец. корр.
«Советской культуры»,
ГАЛЛЕ — МОСКВА.

● Сцена из оперы «Александр» в «Ландестеатре».